
В ПОМОЩЬ ПРЕПОДАВАТЕЛЯМ

Л. Е. ГРИНИН

ТЕОРИЯ, МЕТОДОЛОГИЯ И ФИЛОСОФИЯ ИСТОРИИ: ОЧЕРКИ РАЗВИТИЯ ИСТОРИЧЕСКОЙ МЫСЛИ ОТ ДРЕВНОСТИ ДО СЕРЕДИНЫ XIX ВЕКА*

Лекция 1. ДРЕВНИЙ ВОСТОК

Вводные замечания. До того, как возникла историография с собственной методологией, и тем более философия и теория истории, историческая мысль прошла длительный путь. Тем не менее элементы методологии, часто теории, а также философии истории всегда явно или скрыто присутствуют в сколько-нибудь связном историческом описании. Все эти четыре области (сама историография, теория, методология и философия истории) очень тесно связаны, так что, давая им дефиниции, полностью развести их крайне сложно. Следует учитывать, что приведенные ниже определения являются нестрогими и определяют предмет области в самом общем плане, поскольку далее речь пойдет о периодах, когда эти области знаний находились в стадии становления.

Теория истории есть осмысление исторических событий путем постановки проблем и поиска их решений, упорядочения материала с помощью концептуальных схем (в которые входят представления о хронологии; периодизации; месте человека в истории; причинах событий и объяснение их результата; классификации причин, явлений, форм деятельности, взаимоотношений и т. п.); к теории истории также относятся общие подходы к интерпретации

* Лекции могут быть полезны при преподавании теории и методологии истории, философии истории, истории исторической науки (историографии). В настоящей и последующих лекциях в подстрочник вынесены многочисленные комментарии, которые могут быть полезными для студентов или преподавателей, но необязательны для основной канвы изложения.

фактов; теории, применяющие общие философские и политические установки к конкретным явлениям и событиям (например, войне, оценке других народов, падению династии и т. п.).

Философия истории есть философские представления о наиболее общих оценках и проблемах общества и его истории, в том числе о направлении и движущих силах его развития; начале и нередко конце вещей, обычаях, институтах и их значении; месте современности в историческом процессе и соответствующей оценке современного этапа в общем ходе развития; связи развития общества, с одной стороны, и природы, высших сил – с другой, и т. д.¹

Методология истории связана с представлением о предмете исторического описания, назначении произведения и форме его изложения, методах его создания и способах использования имеющейся базы сведений, а также с отношением к предшествующим произведениям и историкам. Методы можно определить как упорядоченную последовательность действий и приемов, выполнение которых необходимо для достижения заранее поставленной цели.

Первичная методология истории возникает вместе с первым историописанием, будь оно в виде кратких хроник, записей о царствовании или тем более сложных жанров. Во-первых, любая письменная информация по своей структуре отличается от устных сообщений, во-вторых, отбор событий для записи, определение, к кому будет обращен данный текст, выбор стиля и т. п. неотделимы от процесса изложения событий. При написании сводных хроник и других крупных исторических текстов требуется уже более сложная методология отбора и оценки информации, выстраивания определенной канвы («сюжета», нарратива) текста. Но для такого рода работ автору требуются и некоторые теоретические и концептуальные основания, создающие прообраз теории истории. Автор такого текста должен определить, что есть по жанрам, стилю и ме-

¹ А от этого в огромной степени зависит точка отсчета, отношение к достоверности имеющихся данных и авторитету предшественников, выбор средств и общая идея произведения. Для авторов вплоть до последних веков, как правило, всегда была очень важна связь описываемых событий, а также правителей и их деяний (судеб) с высшими силами: богами, судьбой, роком и т. п. Это во многом формировало возможности для возникновения элементов **теологии** (и философии) **истории**.

тодам выбранное им историописание, для чего он пишет, какие вопросы в нем решает, от имени кого он выступает, какой позиции (идеологии) придерживается².

Историография есть особая форма связного описания событий, случившихся в прошлом, изложенного согласно определенным правилам (канонам, традициям)³.

Все эти элементы, равно как и собственно зачатки исторической науки, появляются уже на Древнем Востоке, но еще в очень неразвитом виде.

Истоки. Мифология. Некоторые истоки исторических представлений можно найти в мифах различных народов. «Миф выражает мироощущение и миропонимание эпохи его создания»⁴. Мифы удовлетворяли потребность в ответах на сложные вопросы о происхождении вещей, о причинах тех или иных явлений, о демиургах и героях прошлого. Можно считать, что некоторые истоки философии и теории истории лежат в мифологии⁵, тем более что через мифотворчество шел процесс развития средств выражения общих и отвлеченных понятий. В мифах, как и в историческом описании, события рассматриваются во временной последовательности. Разумеется, мифология и мифологическое сознание очень сильно отличаются от исторического взгляда на события прошлого. В частности, время в мифах играет гораздо менее важную роль, чем в историческом восприятии. Мало того, в мифах конкретное

² Соответственно историческая мысль разных эпох, исторические сочинения и их авторы отличаются друг от друга не только набором описываемых явлений и событий прошлого, которые привлекают их внимание, но и спецификой восприятия и осмысления этих явлений и событий (см.: Вейнберг 1993: 56). *Здесь и далее ссылки на произведения, которые приведены в списке рекомендуемой литературы, даются в сокращенном виде.*

³ Историография в прямом значении и означает историописание. В настоящий момент понятие «историография» ассоциируется с исторической наукой. Но поскольку как наука со строгими методами история сформировалась относительно недавно, то в лекциях для ряда периодов понятие историографии будет означать не науку, а **историописание**, каковым, собственно, историческая наука прошлого и была, и сам этот последний термин также часто будет использоваться как синоним историографии.

⁴ Дьяконов, И. М. Введение // Мифология Древнего мира / отв. ред. В. А. Якобсон. – М.: Наука, 1977. – С. 9.

⁵ Например, нередко мифологическое мышление представляло все события после начала мифа как некое повторение определенной модели развития событий. Такой взгляд долго был присущ древневосточной и античной философии. О связи философии и мифологии см. также: Гринин, Л. Е. Формации и цивилизации // Философия и общество. – 1998. – № 3. – С. 22–26.

время события вообще не имеет никакого значения, важна только отправная точка для начала повествования. При этом мифологическое мышление часто придает абсолютную истинность всему тому, что происходило «в начале времен». Важно отметить, что именно критика такой слепой мифологической веры положила начало первым специальным методам написания истории. Тем не менее сами мифы очень долго служили в качестве важнейшего источника исторических сведений, составляя большую часть некоторых исторических трудов античности (например, Геродота и Тита Ливия)⁶, а средневековые хроники почти в обязательном порядке включали в себя библейские мифы.

Среди прочих видов мифов для развития исторической науки особо важную роль сыграл *эпос*. В нем часто в особой форме отражались исторические факты, которые удастся обнаружить и подтвердить с помощью историко-критического анализа. Дошедшие до нас редакции древнеиндийского эпоса – «Махабхарата» и «Рамаяна», древнекитайской «Книги песен и гимнов», древнегреческого эпоса – «Илиада», «Одиссея», равно как и эпоса других народов, до сих пор позволяют исследователям обнаруживать новые исторические аспекты и факты. Разумеется, эпос – это уже гораздо более высокий, предфилософский, уровень сознания. Вместе с историческими преданиями классический героический эпос нередко долго существовал вместе с историографией. После появления письменности и записи религиозных текстов некоторые из них служили основой исторических знаний, а после секуляризации исторического знания стали очень важным источником исторической критики и получения исторических знаний⁷.

Ближний Восток. Рождение историописания. Прообраз историографии появляется на Ближнем Востоке (в Шумере, Аккаде и Египте) вместе с появлением письменности, в III–II тыс. до н. э.

⁶ Некоторые авторы даже используют такое понятие, как античная *эпическая* историография (см., например: Кузнецова, Т. И., Миллер, Т. А. Античная эпическая историография. Геродот. Тит Ливий. – М.: Наука, 1984). По мнению А. Ф. Лосева, мифологией пронизан решительно весь античный мир, а немногочисленные исключения непродолжительны.

⁷ Среди них наибольшую известность имеют, конечно, тексты древних иудеев, вошедшие в «Ветхий завет» («Пятикнижие», «Книга царств» и др.), но нельзя не упомянуть также древнеиранскую «Авесту» и «Ригведу» древних индусов.

Создаются списки династий, а из-за практической необходимости определить последовательность событий в повседневной жизни возникают хроники, в основе которых – записи названий годов, даваемых по каким-то особенно заметным событиям, а позже – по годам правления царей, особенно в Древнем Египте. На Ближнем Востоке появляются анналы царей – погодные записи их деяний, получившие широкое распространение у хеттов и затем ассирийцев. Во II тыс. до н. э. первые протоисторические документы появляются и в китайском обществе эпохи Шан (Инь).

Списки правителей городов и государств, исторические надписи царей, древнейшие погодные и иные записи о важнейших событиях, а также хроники можно считать первыми историческими текстами, хотя в них всегда присутствует мифологический элемент. Эти документы имеют и конкретную идеологическую цель. Например, списки династий утверждали мысль об извечности царской власти, переходящей по воле богов от одного города к другому. Отбор важных для древних хронографов и летописцев событий, которые достойны упоминания, явился первым шагом к рождению методологии истории. Возникают социально направленный отбор и интерпретация исторических фактов (например, надписи эпохи Древнего и Среднего царства в Египте, прославлявшие завоевательные походы фараонов, надписи о реформе Уруингины в Лагаше, древнеперсидская Бехистунская надпись Дария и др.). Крайне важно отметить появление государственных, храмовых и частных архивов. Мыслители Востока не оставили полноценных исторических сочинений, подобных античным, за исключением сравнительно поздних трудов китайских авторов. Однако там происходит становление некоторых форм исторических сочинений, в частности летописаний, биографических и автобиографических сочинений, генеалогий, также наблюдаются усложнение и смена форм исторических сочинений, особенно в Древнем Китае⁸.

⁸ Среди письменных источников большое значение имеют древнекитайские летописи, прежде всего летопись «Чуньцю», составленная в царстве Лу и освещающая события VIII–V вв. до н. э., авторство которой традиция приписывает древнекитайскому философу Конфуцию. С летописями тесно связан другой жанр древнекитайских исторических сочинений – запись речей правителей и их приближенных (см.: История Древнего Востока 1988: 352).

В исторических произведениях Древнего Востока появляются уже и первые идеи о причинах событий. Разумеется, они еще очень неразвиты. Все исторические события объяснялись «волей богов». В более развитом виде эта идея продолжает существовать и в античной и средневековой исторической мысли. Исторические книги *Библии* («Книга царств» и др.) оказали, без преувеличения, огромное влияние на средневековую историографию и теологию истории.

Историография и, соответственно, методология и теория истории имели очень разную судьбу в разных странах Древнего Востока. На Ближнем Востоке крупных исторических сочинений не было, однако некоторые традиции историописания, как сказано выше, развивались. Нельзя не отметить, что в государствах Древнего Ближнего Востока были подготовлены некоторые условия для развития исторического исследования, в частности созданы и разработаны различные системы летоисчисления, хронологические системы и т. д. В частности, в Древнем Египте использовали хронологию по династиям, актуальную и сегодня⁹.

Индия и Китай. Разный подход к истории. В Индии, как и в целом в Южной Азии, при всех достоинствах древнеиндийской культуры интерес к прошлому так и не привел к возникновению осмысленной исторической письменной традиции (не говоря об историописании)¹⁰. Исторические события упоминаются в литературе довольно редко и обычно в полупоэтических повествованиях. Хроники составлялись лишь в буддийских монастырях на Цейлоне в первые века н. э., и посвящены они были преимущественно распространению учения Будды и взаимоотношениям между монастырями.

В Древнем Китае роль исторического знания была совершенно иной. Об этом свидетельствует уже то, что древнекитайские философы V–III вв. до н. э. в полемике со своими идейными противни-

⁹ В Египте был и довольно развитый календарь, преимущества которого – простота и правильность – были столь очевидны, что астрономы пользовались им начиная с эллинистических времен до Коперника (Бикерман, Э. Хронология Древнего мира. Ближний Восток и античность. – М.: Наука, 1975. – С. 38).

¹⁰ См., например: Бонгард-Левин, Г. М., Ильин, Г. Ф. Древняя Индия. – М.: Вост. лит-ра, 1969. – С. 9.

ками постоянно апеллировали к событиям исторического прошлого, что сделало их произведения ценным историческим источником. В китайской историографии начиная с древности и в течение многих последующих веков мы встречаем идеи, которые вполне можно рассматривать как теоретические: во-первых, представление об извечном и абсолютном превосходстве китайской культуры над культурой соседних народов; во-вторых, намеренное отождествление мифа с историческим фактом, следствием чего было неправомерное удревнение истоков государственности в Китае¹¹.

На рубеже II–I вв. до н. э. был создан первый обобщающий труд по истории Китая. Им стали «Исторические записки» Сыма Цяня (145–86 гг. до н. э.)¹², всеобщая история страны с древнейших времен до I в. до н. э. Сыма Цянь опирался на довольно долгую историческую традицию, в том числе комментированного летописания, появившегося в I тыс. до н. э. Сыма Цянь стал основоположником китайской историографии и по праву может называться «отцом китайской истории». «Исторические записки» – сложное произведение, оно включает в себя повествования о важнейших деяниях правителей различных династий; биографии исторических личностей и крупнейших представителей наследственной аристократии; «Трактаты», посвященные отдельным сторонам общественной жизни, культуры, науки; «Таблицы», в которых рассматриваются проблемы хронологии. «Исторические записки» Сыма Цяня оказали огромное влияние на развитие исторической мысли в Китае и некоторых других странах Дальнего Востока. Их стиль и метод изложения стали предметом ревностного подражания.

Историографический метод Сыма Цяня был использован уже вторым крупным китайским историком – Бань Гу (32–92 гг. н. э.). Однако сочинение Бань Гу «История Ханьской династии» посвящено истории только одной династии – Хань, точнее, даже только

¹¹ Такие подходы позднее были заимствованы японской историографией, где правление первого императора отнесено к очень далеким временам.

¹² Надо иметь в виду, что биографические даты древних и средневековых мыслителей могут сильно различаться в различных изданиях по вполне понятным причинам. В настоящей работе я в основном придерживаюсь данных, сверенных с *Советской исторической энциклопедией* или *Философской энциклопедией*.

Западной, или Ранней, Хань (206 г. до н. э. – 25 г. н. э.). Бань Гу является основоположником нового жанра китайской историографии, получившего название «династийных историй». Начиная с III в. н. э. они составлялись официально (по заказу правительства) по образцу «Истории Ханьской династии» Бань Гу. Основными разделами в них являются «Анналы», посвященные изложению деяний правителей, и «Биографии» – жизнеописания наиболее выдающихся деятелей эпохи. Такая преемственность сильно отличает китайскую историографию от греческой и римской, где каждый историк писал по своему и твердой исторической традиции, по сути, не сложилось¹³.

В отличие от историков античности (писавших прежде всего о современных им событиях) китайские историки изначально применяли метод компиляции, с помощью которого создавали обобщающие труды, описывающие события очень большой длительности, но, разумеется, охватывали и современные им события.

Политическая и социальная философия в Китае и Индии. Философская мысль на Востоке, в частности в Индии и Китае, появляется несколько позже, чем в Греции. Но некоторые философско-мифологические идеи об историческом процессе в этих странах являются весьма интересными и в значительной мере перекликаются с древнегреческими. Например, золотой век человеческого общества некоторым мыслителям виделся в идеализированном далеком прошлом, когда люди еще жили счастливо, не знали неравенства, притеснений и несправедливостей. Согласно идее, возникшей в раннем буддизме в Индии, золотой век предшествовал появлению имущественного неравенства и государственной власти. В Китае Конфуцию (Кун-цзы [551–479 гг. до н. э.]) приписывается идея о существовании в далеком прошлом некоего счастливого патриархального общества «великого единения», которое изоб-

¹³ Вот два факта, которые хорошо демонстрируют различия в традиции работы историков Китая и Греции. Сыма Цянь происходил из семьи потомственных историографов. Сбирать исторические материалы по династии Хань начал еще отец Бань Гу – Бань Бяо. В этой работе принимала участие после смерти Бань Гу его сестра, известная поэтесса Бань Чжао (Бадак, А. Н., Войнич, И. Е. и др. История Древнего мира. Древний Восток. Индия, Китай, страны Юго-Восточной Азии. – Минск: Харвест, 1999. – С. 699). И таких фактов много. Зато в историографии античности такие факты, вроде того, что сын историка Эфора (IV в. до н. э.) написал за отца последнюю из 30-ти книг его труда, исключительно редки.

ражалось затем в течение многих веков в качестве недостижимого идеала социальной жизни. В Индии была широко распространена концепция, условно говоря, «исторического регресса», аналогичная древнегреческой о четырех (пяти) веках человеческой истории, впервые появившейся у Гесиода (о нем в следующей лекции).

Некоторые китайские мыслители, например Мо-Цзы (Мо Ди [479–381 гг. до н. э.]), высказывали идеи, сходные с теми, что принадлежат античным философам (например, Эпикуру и Лукрецию Кару), согласно которым созданию государства предшествовало естественное право, характеризовавшееся отсутствием частной собственности и государственной власти, а государство возникло в результате «общественного договора» между людьми в связи с необходимостью поддержания общественного порядка, охраны жизни и имущества граждан¹⁴.

В целом китайские мыслители и государственные деятели, например Конфуций, легисты Шан Ян (390–338 гг. до н. э.), Хань Фэй (288–233 гг. до н. э.) и др., и в меньшей степени индийские (Каутилья и Ашока), оставили интересные идеи о государстве, его различных формах, задачах правителя; о том, что является правильным государством; о взаимоотношении между правителем и народом, между различными государствами; о том, как создать сильное, устойчивое и процветающее государство, способное в наибольшей мере сохранить баланс интересов в обществе. В Индии после возникновения там буддизма появилось некоторое количество интересных источников о государственной политике¹⁵. Особенно значимым является знаменитый трактат об искусстве и принципах управления государством «Артхашастра», написанный, как предполагают, Каутилей, министром индийского царя Чандрагупты,

¹⁴ См.: Илюшечкин 1996: гл. 1.

¹⁵ Говоря о буддизме и политических идеях Древней Индии, нужно остановиться на очень интересной фигуре императора Ашоки (III в. до н. э.). Многие историки считают, что на мировоззрение Ашоки сильно повлияли жестокости войны с целью завоевания территории Калинги, после чего он и принял буддизм. Ашока оставил наскальные эдикты, в которых разъяснял свою политику и идеологию, часто выражая необычные для древности гуманные идеи, в частности раскаяваясь в жестокостях. Ашока требует от чиновников, чтобы жителям «не было беспричинного страдания», чтобы те помогали людям твердо усвоить, что царь им как отец, а они ему дороги как дети (см.: Антонова, К. А., Бонгард-Левин, Г. М., Котовский, Г. Г. История Индии. – М.: Мысль, 1979. – С. 63–64; Бонгард-Левин, Г. М. Индия эпохи Маурьев. – М.: Наука, 1973).

в конце IV в. до н. э. Трактат о государственной мудрости представляет собой наставление любимому царю¹⁶. Главная забота Каутильи – о сохранении баланса власти между правителями разных уровней и о том, что при прочих равных условиях лучше действовать мирными, чем военными средствами. Поэтому он рекомендует царю не посягать на имущество зависимых правителей и сановников, не претендовать на исконные земли союзников, заключать договоры со слабыми государями, если они проявляют покорность.

В Древнем Китае роль государства всегда была выше, чем в Индии, а значение государственной идеологии в целом превышало идеологическую роль религии. Развитие государственно-правовых форм там также протекало иначе. Неудивительно, что складываются достаточно стройные и глубокие политические концепции. В частности, уже в древности сложилась идеологема, которая просуществовала все Средние века и Новое время. Согласно ей, исторический процесс рассматривается как повторение династических циклов, каждый из которых продолжался, пока данная династия следовала «воле Неба», и заканчивался ее гибелью, когда она нарушала «волю Неба» и потому утрачивала «небесный мандат» на управление страной. В этом плане очень интересны вышеупомянутые династийные истории. Дело в том, что они составлялись уже **после падения соответствующей династии**. Иными словами, династийные истории вовсе не были восхвалениями династии, а часто, напротив, пытались объяснить причины ее упадка и падения, в том числе реалистически изображали придворную жизнь, не затушевывая ее темных сторон, описывая придворные интриги, жестокие расправы, продажность чиновников¹⁷.

¹⁶ Правда, многие индологи считают, что в «Артхашастре» описано скорее не реальное, а некое идеализированное государство, каким его, возможно, хотелось видеть (см., например: Лелюхин, Д. Н. Государство и администрация в «Артхашастре» Каутильи // Альтернативные пути к цивилизации / под. ред. Н. Н. Крадина и др. – М.: Логос, 2000). В то же время это и не чистая утопия, как «Государство» Платона. Но саму подлинность трактата, содержащего интересные политические обобщения на уровне, сравнимом с античным и древнекитайским, никто не оспаривает.

¹⁷ Правда, с точки зрения использования этих произведений для реконструкции истории эпохи это создает затруднения, так как в них отражаются представления не анализируемой, а последующей эпохи.

Взаимное влияние Востока и Запада. Для понимания преемственности развития мировой мысли об истории важно учитывать, что греки многое заимствовали с Ближнего Востока. По выражению И. П. Вейнберга, античность всегда признавала свое «ученичество» в хорошем и плохом у Древнего Востока. В частности, «отец истории» Геродот считал, что эллины заимствовали имена своих богов и многие обычаи, письменность и иные знания у древних египтян, финикийцев и других, а Диодор Сицилийский утверждал, что прославленные мудрецы, поэты и законодатели далекой древности – Гомер, Ликург, Солон и другие, равно как и известные ученые и мыслители более поздних времен – Платон, Демокрит и иные, побывали на Востоке, беседовали с восточными мудрецами, заимствовали у них мудрость, знания и т. д.¹⁸ С другой стороны, греческое влияние в период эллинизма вызвало появление отдельных историков на Ближнем Востоке, знакомых с античной традицией историописания, которые знали греческий и местный языки. Среди них можно упомянуть вавилонского историка Бероса (ок. 350–280 гг. до н. э.), составившего на греческом языке для царя Антиоха I историю Вавилонии на основе местной легендарной и исторической традиции. Но этот труд до нас, к сожалению, не дошел (только отдельные данные в разных произведениях)¹⁹. Другим очень известным древневосточным (египетским) историком является Манефон, составивший на греческом языке «Историю Египта», отрывки из которой сохранились у некоторых историков античности. Заслуга Манефона заключается в разделении истории Египта на 30 династий (эта периодизация в основе своей сохраняется и по сей день). Вероятно, наиболее известный историк такого типа – это романизированный иудей I в. н. э. Иосиф Флавий, который в результате войны попал в Рим. Его произведения об истории Иудеи «Иудейские древности» и о современных ему событиях «Иудейская война» являются ценными, а для некоторых событий – даже единственными источниками наших знаний об этом регионе.

¹⁸ См.: Вейнберг 1993: 12.

¹⁹ См.: Дьяконов, И. М. История Мидии от древнейших времен до конца IV в. до н. э. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1956.

Таблица
²⁰**ИСТОРИКИ И МЫСЛИТЕЛИ ДРЕВНЕГО ВОСТОКА**

Автор	Даты	Государство	Название произведения
Конфуций	(551–479 гг. до н. э.)	Китай	«Лунь юй» («Беседы и суждения»)
Каутилья	IV в. до н. э.	Индия	«Артхашастра» («Искусство управления государством»)
Берос	ок. 350–280 гг. до н. э.	Вавилония (государство Селевкидов)	«История Вавилонии»
Манефон	Конец IV – начало III в. до н. э.	Египет	«История Египта»
Сыма Цянь	145–86 гг. до н. э.	Китай	«Исторические записки»
Бань Гу	32–92 гг. н. э.	Китай	«История Ханьской династии»
Иосиф Флавий	ок. 37 – ок. 95 гг. н. э.	Иудея, Рим	«Иудейские древности»

Рекомендуемая литература

Вейнберг, И. П. 1993. *Рождение истории: Историческая мысль на Ближнем Востоке середины I тысячелетия до н. э.* М.: Наука.

Илюшечкин, В. П. 1996. *Теория стадийного развития общества: История и проблемы.* Гл. 1. М.: Вост. лит-ра.

Историография истории Древнего Востока: Иран, Средняя Азия, Индия, Китай / под ред. В. И. Кузищина. СПб.: Алетейя, 2002.

История Древнего Востока / под ред. В. И. Кузищина. М.: Высшая школа, 1988.

Крюков, М. В., Малявин, В. В., Софронов, М. В. 1979. *Китайский этнос на пороге средних веков.* М.: Наука.

Мифология Древнего мира / отв. ред. В. А. Якобсон. М.: Наука, 1977.

²⁰ В настоящей и следующей таблицах представлены данные только о некоторых философах и историках из упомянутых в тексте лекции, при этом приводится только одно произведение каждого автора.